

ЖАН БОДРИЙЯР

БОЖЕСТВЕННОЕ ЛЕВОЕ ДВИЖЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 316
ББК 60.5
Б75

Серия «Эксклюзивная классика»

JEAN BAUDRILLARD
LA GAUCHE DIVINE

Chronique de années 1977–1984

Перевод с французского *Т. Чугуновой*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения

Les Editions GRASSET & FASQUELLE или SAS
LESTER LITERARY AGENCY & ASSOCIATES.

Бодрийяр, Жан.

Б75 Божественное левое движение / Жан Бодрийяр ; [перевод с французского Т. Чугуновой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-189267-8

Работа французского социолога, культуролога и философа-постмодерниста Жана Бодрийяра (1929—2007) представляет анализ политического ландшафта в контексте массовой медийной культуры, электронных коммуникаций и развития технологий на примере политической жизни Франции с 1977 по 1984 г. По сути, это теория симулякра в том виде, в каком она действует в политической сфере, когда партии, по сути, больше не соперничают друг с другом в идеологическом смысле, политики превращают свои выступления в хорошо просчитанные перформансы, а общество предпочитает зрелище, а не реальное управление.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-17-189267-8

© Editions Grasset & Fasquelle, 1985
© Перевод. Т. Чугунова, 2023
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2026

БОЖЕСТВЕННОЕ
ЛЕВОЕ ДВИЖЕНИЕ

Хроника 1977—1984 гг.

- / -

ГОЛГОФА СОЮЗА ЛЕВЫХ СИЛ

Март 1977
ВОЛШЕБНЫЙ БОЙ
ИЛИ ПОСЛЕДНЯЯ
И РЕШИТЕЛЬНАЯ ФЛЕЙТА*

Призрак бродит по высшим сферам власти. Имя ему — коммунизм. Но и среди самих коммунистов бродит призрак. Имя ему — власть.

Все сфальсифицировано в нынешнем политическом сценарии, тон ему задает имитация революционного напряжения и захвата власти коммунистами (и в целом левыми). На самом деле, за всей этой постановкой, во время которой коммунисты продолжают посвящать себя противостоянию с правыми и тем самым сохранению существующего строя, именно страх перед обладанием власти движет ими и придает новую силу

---

* Перифраз слов Интернационала («Это есть наш последний и решительный бой») и названия оперы Моцарта «Волшебная флейта» (1791). — *Здесь и далее прим. перев.*

инерции, а позор, сопутствующий революции, стимулирует их к этому. В этом смысле они не одиноки, поскольку политика никому не подвластна; правые силы не жизнестойки так же, как и левые. Коммунисты исторически всегда представляли, вслед за Лениным и провозглашенной им перспективой захвата власти, которой все привержены (и какой они сами считают себя верными), как *политики* и даже профессионалы. В их рядах наиболее очевидны несостоятельность и политическое разложение. Это у них страх перед властью пагубно сказывается на перспективе, о какой заявил Сангинетти* в «Правдивом докладе о последних шансах спасти капитализм в Италии». Суть его в том, что коммунисты придут на смену господствующему классу во властных структурах и в *политическом* управлении капиталом (последние итальянские выборы разоблачили эту *утопию*, все еще подпитываемую старым циничным идеализмом классовой борьбы).

Откуда у коммунистов это бессилие, эта своего рода кастрация? Кто оскотил их? Благодаря какому такому волшебству они всегда терпят

---

* *Александр Сангинетти* (1913—1980) — французский государственный деятель.

неудачу, приблизившись к цели, и ведь не из желания бросить кому-то вызов, как тот бегун на длинные дистанции*, который, в силу одиночества, решил проиграть и тем самым отрицал правила игры. Нет, здесь дело в ином! Так почему коммунисты неизменно терпят поражение именно тогда, когда до власти им рукой подать, почему, стоит им завидеть бездны власти, отчаянно тормозят, как герои комиксов при виде бездны?

Берлингуэр** заявил: «Не стоит бояться, что в Италии к власти придут коммунисты». Идеал двусмысленного высказывания, поскольку оно может означать:

— бояться не стоит, поскольку коммунисты, если и придут к власти, ничего не изменят в ее основном капиталистическом устройстве;

— нет никакого риска, что они *когда-либо* придут к власти, потому что они этого не хотят.

Но также:

— на самом деле, реальной власти больше не существует, то есть власти как таковой больше

---

* «Одиночество бегуна на длинные дистанции» — британский художественный фильм режиссера Тони Ричардсона, снятый в 1962 г. по одноименному рассказу Алана Силлитоу.

** Энрико Берлингуэр (1922—1984) — итальянский политик, секретарь Итальянской коммунистической партии с 1972 г. вплоть до своей кончины.

нет, и, следовательно, нет риска, что кто-нибудь возьмет ее или отберет у кого-то.

А еще:

— я (Берлингуэр) не боюсь прихода коммунистов к власти в Италии, что может показаться логичным, даже очевидным, но на самом деле это не совсем так, поскольку может означать и обратное (и для этого не нужно прибегать к услугам психоанализа): я **БОЮСЬ** прихода к власти в Италии коммунистов (есть веские основания опасаться этого, даже если ты коммунист).

Верно и то, и другое, и третье. В этом секрет высказывания, чья двусмысленность сама по себе является выражением отклонения власти от курса. Налицо невозможность выражения детерминированной позиции, нулевая степень политической воли. Всем партиям наносится ущерб этой обнуленностью, но именно коммунисты самым жестоким образом свидетельствуют об этом уничтожении воли к обладанию политической силой.

Дело о направленном Португальской коммунистической партии «фальшивом» циркулярном документе из Москвы, повествующем о наиболее эффективных способах захвата власти, — невероятная наивность со стороны тех, кто уча-

ствовал в данном водевиле. Кто же, как не левые, потерпевшие поражение, мог запустить эту «утку» с целью реанимировать уже давно утраченную политическую энергию коммунистов? Под сенью коммунистических партий в цвету* уже давно не остается ничего, кроме девственных левых, ожидающих, когда их изнасилуют правые. Является ли этот документ истинным или ложным? Это не имеет никакого значения, поскольку очевидно обратное: коммунисты давно запрограммированы на то, чтобы не брать власть. Лучшим примером симуляции наступления было бы запустить ложный документ обратного смысла: «Директивы Москвы всем коммунистическим партиям мира о наиболее эффективных способах того, как никогда не прийти к власти».

Чтобы бороться со всеобщей фальсификацией в сфере политики, вращающейся вокруг идеи подрыва существующего порядка вещей Французской коммунистической партией, чтобы бороться с обманом, в котором все соучаствуют, следовало бы ввести в оборот подобную разрушительную фальшивку, такую, какая полностью

---

* Намек на роман Марселя Пруста (1871—1922) «Под сенью девушек в цвету» — вторую книгу цикла «В поисках утраченного времени».

подорвала бы существующую модель политической симуляции.

А сами коммунисты (ибо все происходит так, будто они это знают) выдвигают разнообразные уважительные причины этого, ссылаясь на баланс сил, «объективную» ситуацию и т. д. Мол, нельзя брать власть в период кризиса (что было бы равнозначно управлению кризисом капитала, а нам хорошо известно, что капитал только и ждет этой управленческой преемственности, см. Сангинетти). Что, конечно, является полным абсурдом, поскольку любой преодоленный кризис не оставляет ни одного шанса для революционной «преемственности».

Есть другое объяснение, опять-таки, тактического плана, но более сложное: если Французская коммунистическая партия придет к власти, то неизбежно окажется перед дилеммой — либо скатиться в полный реформизм, чтобы сохранить свой электорат, и тогда она проигрывает социалистам (в более общем случае, в реформистской перспективе левые проигрывают правым, которые гораздо лучше справляются с реформистскими задачами), либо быть обязанной внедрить в жизнь свои революционные перспективы и сразу быть сметенной. Зажатая с обеих

сторон, ФКП не имеет иного выбора, кроме как держаться чуть ниже линии власти, где она может представлять *обреченной* на триумф, и, таким образом, сохранить имидж, не делая, однако, ничего, чтобы перепрыгнуть через свою тень в реальность власти, где безвозвратно погибнет. Одновременно это позволяет правым постоянно играть на этой якобы неминуемой победе коммунистов и по инерции сохранять власть. Так работает политический турникет — бесконечный сценарий, в котором ставки сделаны и каждый раз тасуются одни и те же карты.

Однако это все равно не объясняет, почему коммунисты не способны вести политическую игру, то есть брать на себя в политическом смысле разделение средств и целей — основного принципа политики, в которой власть является целью, а средства не важны. Почему они заиклены на средствах и потеряли из виду все цели, почему сосредоточены на промежуточных результатах, на созревании массового сознания, на историческом осознании и т. д. Почему верят только во все это и, стремясь, как и подобает сторонникам сверхкантианской этики, смешать средства и цели, превратив их в нечто однородное, а саму власть в средство, утратили

способность брать ее. Они отказались от всякого политического насилия и в силу этого везде и всегда выступают жертвами и лишь поддерживают жалкий миф о массах под пятой эксплуататорской власти. Это единственное содержание всех их речей, их плаксивых и блеющих обвинений, взывающих к чьей-то жалости, к некой инстанции справедливости, к какому-то боже-ству, которое отомстило бы капиталу за его гнет.

Вероятно, у коммунистов никогда и не было тяги к власти. *В качестве коммунистов* у них была только тяга к *бюрократическому* господству, но это вовсе не политическое действие, а лишь карикатура на него.

И все же сталинизм по-прежнему заряжен политическим насилием, потому что выходит за рамки голой и простой *потребительной стоимости* истории, масс, труда и социального. В нем все еще есть нечто от абсурдного *imperium**, вырвавшегося за пределы рациональной финальности социального (ошибочна точка зрения Глюксманна** по поводу террористической ло-

---

* Личная власть одного человека (*лат.*).

** *Андре Глюксманн* (1937—2015) — французский философ и писатель-эссеист, известный склонностью к эпатажу общественного мнения.

гики сталинских лагерей, то есть «трудовых» лагерей, в отличие от нацистских лагерей уничтожения, якобы являющихся более совершенной моделью господства). Вероятно, секрет неудачи коммунистов, их комплекса политического бессилия заключался в том, что после Сталина и его смерти *они все больше ориентировались на потребительную стоимость*, на наивную веру в транспарентность истории и социальных явлений, устранив любое другое измерение, кроме здорового управления делами, в результате чего впали в неслыханную с лучших времен христианства добропорядочность. Утратив то, что было аморальным, чрезмерным в идее революции, которая бросила бы вызов капиталу на почве его вирулентности (а не на почве предполагаемой рациональности), революция коммунистов превратилась в весьма убогое явление, довольствующееся тем, что идет на смену капитала в его бессилии управлять общественными делами. С присущей ему «дикой» этикой капитал не заботился ни о потребительной стоимости, ни о надлежащем использовании социального — он был безумным, безграничным предприятием по упразднению истинно ценностного при постоянно растущем безраз-